

Отзыв
о диссертации Валентины Юрьевны АПРЕСЯН,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 «Теория языка»

Диссертация В.Ю.Апресян — это, безусловно, событие. Работы Валентины Юрьевны последних двух десятилетий были посвящены различным проблемам русской и общей семантики — языковой концептуализации эмоций, структуре полисемии разных классов слов, русской языковой картине мира и описанию лингвоспецифичной лексики, проблемам контрастивного семантического анализа, семантике уступительных союзов, лексикографическому портретированию; эти работы всегда отличал высокий профессионализм, ясность мысли и увлекательность сюжета. Единым стержнем исследований В.Ю.Апресян является определенная модель устройства семантической системы языка, которая в защищаемом диссертационном исследовании изложена наиболее полно и последовательно благодаря чему все анализируемые ее фрагменты замечательным образом складываются в единую картину

Диссертация посвящена одной из наиболее фундаментальных проблем семантики и вообще лингвистики — проблеме устройства и функционирования сложных языковых значений. Можно согласиться с формулировкой самого автора, что «методологическая **новизна** настоящего диссертационного исследования обусловлена соединением теоретических преимуществ системного лексикографического подхода с достоинствами прикладного корпусного анализа» (с. 23). Действительно, столь масштабное и органичное объединение этих двух подходов — теоретического аппарата Московской семантической школы и методов современной корпусной лингвистики — произведено впервые.

Новизна работы определяется также применением корпусных методов в сфере исследования прагматических аспектов языкового значения, в том числе контрастивного анализа, включающего межъязыковое сравнение частотных параметров сочетаемости — что позволило диссертанту существенным образом уточнить наши представления о сравнительном англо-русском этикете эмоций (напр. «англо-говорящие в целом *замечают* эмоции типа радости несколько чаще, чем эмоции типа грусти, однако они *выражают* собственную радость вербально существенно чаще, чем они выражают собственную грусть», с. 435-346). Принципиально новым является кластерный подход к описанию лексики эмоций, рисующий картину, которая, если и не станет миротворческой силой, способной разрешить конфликт сторонников и противников идеи взаимозависимости национального языка и менталитета, то по крайней мере поможет перевести эту дискуссию в более рациональную академическую плоскость.

Актуальность диссертационного исследования В.Ю.Апресян определяется как предметом, так и методологией. Предметом исследования является природа и функционирование в системе языка сложных значений, которое рассматривается на материале двух важнейших фрагментов семантической системы (совокупность всех языковых средств русского языка, выражающих тот или иной вариант значения уступительности; совокупность языковых средств разной грамматической природы, обозначающих эмоции), а также еще нескольких менее масштабных, но не менее важных.

Актуальность применяемой методологии определяется рассмотрением не только отдельных языковых единиц, но целых семантических классов, а также органичным соединением метода аналитических толкований с корпусным подходом. Наряду с принципами Московской семантической школы в диссертации успешно используется метод (принадлежащий арсеналу Грамматики конструкций), который в англо-американской литературе называется “usage-based approach”; он основан на представлении о том, что частотность некоторой языковой единицы, а также отдельной ее грамматической формы и минимального контекста является ее сущностной характеристикой. Современные электронные корпуса предоставляют широкие возможности эти характеристики устанавливать, что и продемонстрировано в диссертационном исследовании В.Ю.Апресян, которое основывается на данных НКРЯ, а также 18-миллиардного веб-базированного корпуса ruTenTen, а также BNC.

Теоретическая значимость диссертационного исследования В.Ю.Апресян определяется тем обстоятельством, что в нем на примере обширного языкового материала блестяще продемонстрированы оба фундаментальных свойства естественного языка. с одной стороны, дискретность лексической системы, т.е. существование семантических единиц и их комбинаций, воспроизводимых в значении множества языковых единиц, и, с другой стороны, непрерывность этой системы, принципиальную проницаемость границ между классами, возникающую за счет явления семантического синкретизма и регулярных семантических переходов.

Важнейшим свойством семантической системы, продемонстрированным в диссертации является параллелизм в устройстве разных семантических классов, в основе которых «лежит *прототип*, представленный в значении центральной для класса языковой единицы, и его *модификации* по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами, такими как количество, степень, желательность, путативность, акциональность, контроль, оценка, время, пространство и др.» (с. 23). Несомненный интерес представляет также вывод о взаимодействии онтологических свойств явлений с семантическими характеристиками отражающих их языковых единиц.

Существенное теоретическое значение имеют выводы диссертанта, касающиеся путей семантической деривации, приводящих из разных источников к значению уступительности. Так, предлагаемый анализ семантики конструкции «к-местоимение *ни* р» (с. 171-172) включает два значения: 1) значение «любого варианта» (*Кто ни приходил, она всем помогала*); 2) значение уступительности (*Сколько я ему ни объяснял, он всё равно ничего не понял*). Обнаруженное совмещение значений и механизм лежащего в его основе семантического перехода («Семантически уступительная интерпретация представляет собой сужение интерпретации ‘любого варианта’ в применении к градуируемым предикатам, где кванторное значение ‘всякий, любой’ переходит в скалярное значение ‘в высокой степени’») может послужить типологическим «ключом» для раскрытия загадки возникновения уступительного союза *хотя* через этапы: «любой вариант» (ср. местоимения на *-либо*, от *любить*) и далее «[даже если имеет место] самый крайний вариант» (на эту тему существует обширная литература, но вопрос генезиса уступительного значения остается открытым). Пути грамматикализации значения уступительности рассматриваются также в главах 5 и 6 первого раздела, каждый из которых это отдельное научное исследование. (Хотя здесь имеются дискуссионные моменты, напр. возведение единицы с уступительным значением *мало ли что* к *мало что* (устар. ‘хотя и’) представляется менее вероятным, чем развитие через

вышеупомянутый этап 'любого варианта', ср. *мало ли что он говорит и что бы он ни говорил*). Так или иначе, приводимый в работе богатейший материал на тему (реальных и потенциальных) семантических переходов, имеющих «целью» значение уступительности, а «источником» – широкий спектр языковых значений ('соответствие действительности', 'малая степень/ количество', 'желательность' и др.) представляет огромную ценность не только для русской лексикографии, но также для теоретической семантики и семантической типологии.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты представлены, в том числе, в форме словарных статей НОСС и Активного словаря русского языка, они могут использоваться в курсах по русской, общей и сравнительной семантике, теоретической лексикографии, межкультурной коммуникации, в теории и практике перевода. Кроме того, как справедливо замечает автор (с. 28), разработанные им методы семантического и прагматического исследования могут быть применены к анализу других лексико-грамматических и семантических классов и положены в основу аналогичных исследований в других языках.

Обоснованность выдвигаемых утверждений и **достоверность** полученных результатов не вызывают никаких сомнений. В качестве результата проделанной работы научное сообщество обрело два фрагмента интегрального описания русского языка, выполненные на высоком профессиональном уровне, с максимальной степенью подробности и с опорой на огромный языковой материал, предоставляемый современными электронными корпусами. Соединение инструментов семантического анализа с методиками частотного корпусного анализа позволило подтвердить или опровергнуть те свойства семантической системы русского языка, которые до сих пор постулировались дедуктивно (напр., степень лингвоспецифичности тех или иных языковых единиц, тип семантической роли второго актанта эмотивных предикатов и мн. др., семантическое различие между *тут* и *здесь*), а также обнаружить новые, и тем самым вывести наше знание об устройстве языка на более высокий уровень достоверности.

Диссертация имеет оригинальную композицию: некоторые разделы различаются не по рассматриваемому в них языковому материалу, а по углу зрения, под которым этот материал рассматривается. Несмотря на некоторые издержки такого способа изложения (напр. в сноске¹³ на с. 37 объясняется понятие «системообразующего смысла», которое уже было введено ранее; в начале 4-й главы 1-го раздела (с.120) понятия фразеологических и синтаксических средств выражения уступительности разъясняются путем отсылки к работам других авторов, хотя эти категории языковых средств, со всеми надлежащими ссылками на литературу, уже были рассмотрены в предыдущем разделе диссертации и т.п.), тем не менее, принятый композиционный принцип представляется, по крайней мере, применительно к данному материалу (лексикографическое описание большого массива языковых единиц), весьма удачным, делает восприятие текста нелинейным и более эффективным.

Особо стоит отметить множество интереснейших наблюдений и остроумных решений, касающихся отдельных языковых единиц: анализ конструкции *быть X-у Y-овым Z-ом* (*Она была ей хорошей матерью*), для которой обнаружены нетривиальные ограничения лексического заполнения, ср. невозможность **Она была нам хорошей учительницей* (с. 127-128); наблюдение о параллелизме русского выражения *душевная боль* нем. *Seelenschmerz*, анализ возникновения компонента отрицательной оценки в

слове *правда* (с. 265ff.); замечательно точно сформулирована мысль о том, что русским языком кодируется «какой-то более чувствительный детектор обиды, который начинает регистрировать наличие этого чувства до того, как его замечает носитель английского языка» (с. 380); синкретизм англ. глаг *to harbor* (с. 514); слово *тут* как конструктор пространства говорящего; сравнительный анализ двухкомпонентных коннекторов *и тут* и *тут и* (с. 523 ff.) и многие, многие другие.

Отдельным достоинством диссертации является прекрасное качество самого текста. его логическая выстроенность, ясность, незначительное количество стилистических и прочих погрешностей, хороший вкус и чувство меры в подборе иллюстраций из текстовых корпусов, точность и изящество авторских примеров.

Вместе с тем и это обстоятельство, я бы сказала, является еще одним достоинством диссертационного исследования В.Ю.Апресян в нем имеется значительное количество спорных моментов, которые провоцируют дальнейшую научную дискуссию, способствуя таким образом получению нового лингвистического знания.

(Неизбежные в таком огромном тексте некоторые несостыковки в способах обозначения и выражения, стилистические и риторические огрехи также отмечены в нижеследующем постраничном списке).

Замечания общего характера.

1 Неясно, как соотносятся, в рамках данного исследования, термины «прототип» и «(семантический) инвариант» И тот, и другой термин используется для обозначения той ядерной семантической структуры, из которой путем модификаций по направлениям. задаваемым системообразующими смыслами, получаются значения, находящиеся на периферии класса. Эти два термина заключают в себе весьма близкие, но все же различные концепты; даже если это различие для автора несущественно, следовало бы остановиться на каком-то одном из этих терминов (или указать, что в данном исследовании эти два термина используются как синонимы), но в любом случае во избежание недоразумений следовало бы сделать какую-то оговорку на эту тему Содержательно термин «прототип» представляется здесь более уместным.

2. При назывании языковых единиц следовало бы отметить, что их разные значения (в терминологии Московской семантической школы «лексемы») пронумерованы в соответствии с принципами нотации, принятыми в НОСС (Новом объяснительном словаре синонимов); без пояснений эти цифры вызывают недоумение не говоря о том, что вовсе не проясняют, какое значение имеется в виду Оптимальным было бы для каждой неоднозначной языковой единицы в сноске указывать весь список значений с толкованиями или примерами, позволяющими их идентифицировать.

3 В общепринятом стандарте лингвистической терминологии *синоним* это релятивное имя; соответственно, говорят *X является синонимом Y-а*, или *X и Y синонимы*. Принятое в диссертации, вслед за словарем НОСС, словоупотребление, при котором выражение *синоним X* означает 'языковая единица X, входящая в некоторый синонимический ряд' вне контекста Словаря синонимов представляется некорректным (а иногда даже вводящим в заблуждение, см. ниже). Второе отличие

стандартного значения термина *синоним* от принятого в НОСС его более узкое употребление. В связи с этим вызывает недоумение утверждение о синонимии единиц *даром что* и *несмотря ни на что* (с.33 и далее); при стандартном понимании данного термина синонимом к *даром что* является *несмотря на (то, что)*, ср. *Он продолжает там работать (Q), даром что (несмотря на то, что) ему сократили вдвое зарплату (P)*. Замена на *несмотря ни на что* меняет смысл предложения, так как значение переменной меняется с некоторого выбранного элемента на все множество (или его нефиксированое подмножество). В диссертации это различие, естественно, описано, однако название подраздела I.3 1.2. «Семантика синонимов *несмотря ни на что* и *даром что*» (с. 84), а также некоторых других разделов, вводит в заблуждение именно из-за нестандартного употребления термина *синоним*.

4. В тексте диссертации используются различные и несводимые друг к другу способы нотации для прототипического значения уступительности и для некоторых его модификаций. А именно, в толковании прототипического значения для *хотя, несмотря на* и некоторых других для переменных толкования используются символы *P* и *Q*: (с. 82. *Несмотря на P, Q* = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то всегда имеет место ситуация типа не-Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-Q'), а для конструкции *при всем X P*, для тех же переменных символы *X* и *P*

5 В разделе II, посвященном кластерному контрастивному анализу обозначений эмоций, диссертант пишет: «Сравнение целых систем, а не отдельных их элементов, позволяет, как кажется, избежать и еще одной опасности: абсолютизации индивидуальных лингвистических особенностей отдельных слов в качестве показателей различий в менталитетах носителей разных языков. Безусловно, межкультурные различия могут быть очень глубокими, и язык в какой-то степени их отражает, однако объективность языка как «зеркала» ментальности неочевидна, особенно если опираться в качестве критерия на неперебиваемость того или иного слова. Дело в том, что полная переводимость чрезвычайно редкое явление, и из отсутствия точных эквивалентов невозможно делать вывод о глобальных различиях в менталитетах и эмоциях.» (с. 347).

С последним утверждением нельзя не согласиться, однако данная аргументация действительна в том случае, если предметом исследования является идентификация особенностей национального менталитета. Если же нашей конечной целью является устройство языковых единиц (того или иного языка), то наличие в некотором слове некоторого языка уникальной концептуальной конфигурации или уникального совмещения значений, обеспечивающее, в частности, его труднопереводимость, представляет самостоятельный и абсолютный интерес независимо от признания или непризнания существования связи данного факта с тем или иным фактом, касающимся менталитета соответствующего языкового сообщества.

Так, например, для слова *тоска* одного из наиболее известных «ключевых» слов русской языковой картины мира диссертант предлагает англ. эквивалент *blues*, ср. *I have the blues on me* 'у меня тоска' (с. 391). Возможно, что по составу семантических компонентов это англ. слово достаточно точно совпадает с русским. Однако по другим параметрам, которые также, как мы теперь знаем, являются определяющими, а именно, частотности и сочетаемости, они весьма существенно расходятся. Поэтому отмеченная смысловая эквивалентность важное и интересное наблюдение, однако лингвоспецифичного статуса слова *тоска* оно не отменяет. То же

верно и для некоторых других русских слов, лингвоспецифичный характер которых оспаривает диссертант

б. Досадным (зато легко поправимым) недостатком диссертации является отсутствие указателя проанализированных языковых единиц. Для данного исследования, в котором проанализировано несколько сотен значимых единиц русского и английского языка, причем с разных точек зрения в разных разделах, наличие указателя, отсылающего, в том числе, к цитируемым в работе примерам, не только существенно оптимизировало бы пользование текстом как лингвистическим источником, но и позволило бы обнаружить возможные лакуны (напр., отсутствие в списке уступительных единиц фраземы *при всем при том*).

Постраничные замечания:

С. 11 «Значения слов могут «складываться» в сознании говорящих и из более крупных семантических блоков» каким образом хранятся «в сознании говорящих» значения слов – это отдельная проблема, и семантическое описание не обязано быть изоморфно структуре этого хранения.

С. 14. «интуитивно *frustration* – это именно ощущение, что человек сердится» – неудачная формулировка. неясно, кому принадлежит это «ощущение»

С.16 «болезненный характер неприятного чувства» – о чувстве жалости: неточно.

С. 38 союз *a* вряд ли можно считать прототипом противительности

С. 45 Цитата из [Падучева 2004 344] приведена некорректно: во-первых, на указанной странице цитируемого сочинения нет толкования для слова *хотя*; во-вторых, приведенная в диссертации цитата не включает фрагмент исходного текста, иллюстрирующий мысль о том, что «отрицание уступительной связи дает причинную», в результате чего логика изложения оказывается нарушена.

С. 46 «*Хотя* <несмотря на то что *Q*>, *P*» должно быть

Хотя <несмотря на то что> *Q*, *P*

С. 49-50: аномальность искусственно сконструированного примера (2г) ??*Странно расстраиваться, несмотря на проигрыш*, объясняется противоречием презумпции и ассерции: «ассерция = ‘говорящий считает странным, что, проиграв, человек расстроился’ [вводится предикатом *странно*], пресуппозиция = ‘говорящий считает, что человеку естественно расстраиваться, если он проиграл’ [вводится предлогом *несмотря на*]»

Однако аномальность данного примера обусловлена, очевидно, иной причиной: дело в том, что если заменить здесь *странно* на *естественно*, равно как и *расстраиваться* на *радоваться*, и, более того, *проигрыш* на *выигрыш* – фраза останется столь же аномальной. Причина аномальности, по-видимому, в том, что именная группа с предлогом *несмотря на* может присоединяться только к **утверждению о некотором положении дел** (ср. *Он продолжал бороться/сохранял спокойствие духа, несмотря на проигрыш*); клауза *странно расстраиваться* не содержит такого утверждения т.е. не описывает никакой «ситуации типа *P*, такой что если она имеет место, то обычно имеет место ситуация типа не-*Q*» (ср. толкование для *несмотря на* на с. 82).

С. 59. Пример *Их научились заменять, но чистить их не умеют* приводится как иллюстрация невозможности замены «но ненормального следствия» на *хотя* I. Однако в этом примере употреблено другое *но* (и тем самым он не демонстрирует невозможность обсуждаемой замены).

С. 66. «классические противопоставительные единицы (*но*), имеющие более широкое значение, могут опираться на неверные с точки зрения реальности «идеальные» языковые представления. Согласно языковым представлениям, существуют следующие (в действительности неверные) принципы совмещения положительных характеристик (*Она красивая, но глупая*), совмещения отрицательных характеристик (*Она уродина, но умная*), совмещения характеристик высокой степени (*Эта машина большая, но медленная*), совмещения характеристик низкой степени (*Эта машина маленькая, но быстрая*) и пр.»

Перечисленные принципы суть правила употребления союза *но*, которые вряд ли можно назвать «идеальными языковыми представлениями». Неверно было бы утверждать, что в русской языковой картине мира отражено представление о том, что если женщина красивая, то естественно ожидать, что она также и умная (скорее наоборот), что если машина большая, то она скорее всего и также быстрая, и т.д. В диссертации это называется «принципами совмещения [таких-то] характеристик», я бы назвала это скорее принципом согласования качественных характеристик. Однако важно то, уступительные единицы *но, хотя, несмотря на* и *при всем X-е* задают разные, иногда несовместимые комплексы представлений об «обычных» или «естественных» связях между явлениями (ср. также с. 145-147). Более того, иногда оказывается, что одна и та же языковая единица может задавать противоположные «законы», ср. в случае единицы *как Y ни X, P* (с. 180-181): «Всегда можно найти что-то худшее; даже у самого плохого могут быть хорошие стороны» и «Всегда можно найти что-то лучшее; даже у самого хорошего могут быть плохие стороны» Вряд ли здесь идет речь о «законах», или «постулатах» мироустройства, заложенных в семантике конструкции; более вероятным представляется предположение, что знак оценки задается семантикой наполняющих конструкцию лексических единиц (и поэтому может оказаться и тем, и другим), а требование, заложенное в конструкции, носит более абстрактный характер.

С. 85 Утверждение об ингерентной желательности ситуации Q для *несмотря ни на что* представляется преувеличением, фраза *Он припрется несмотря ни на что* вполне допустима.

С.125 « .конструкции *при всем X-е Y P* и *к-местоимение Y ни X, P* накладывают ограничения и на содержание валентности X, и на ее заполнение: во-первых, X не может быть ситуацией (невозможно **При всем дожде мы пошли гулять, *Как ни шел дождь, мы пошли гулять*); во-вторых, X должен градуироваться (невозможно **При всех университетах, она не знает, куда поступать, *Как он ни ходил гулять, он ее не встретил*)» Первое утверждение слишком сильное, второе неправильно проиллюстрировано. А именно, в конструкции «*к-местоимение Y ни X, P*» X безусловно может быть ситуацией, ср. *Как мы ни уговаривали его остаться, он все равно уехал*. Аномальность фразы **Как ни шел дождь, мы пошли гулять* обусловлена другой причиной неагентивностью ситуации «шел дождь» (тем самым требование агентивности, очевидно, входит в семантику данной конструкции). С другой стороны, аномальность фразы **Как он ни ходил гулять, он ее не встретил* обусловлена не отсутствием градуируемости, а смысловой несообразностью; она

исчезает при использовании более подходящих по смыслу конструкций того же вида «к-местоимение *У* ни *X*, *P*» *Сколько / куда он ни ходил гулять, он ее не встретил.*

С. 133 Конструкция, обозначенная автором как «*при X-е P*» (иллюстрируемая примером *Приехав в Чехию и поселившись за городом, Марина, при ее жизненной неприиспособленности, с трудом ориентировалась в чужом городе, с чужим языком*), по-видимому, включает в качестве обязательного элемента также посессивное местоимение (т.е. «*при своем X-е P*»), а также требование кореферентности посессора и субъекта действия *P*

С.136 «(33) а) **при всех продуктах* <румянах, деньгах>, **при всей информации* <грязи>, б) *при всех дождях <постройках, членах совета, источниках воды> » Во-первых, запрет **при всей информации* <грязи> очевидно, имеет иную природу, чем **при всех продуктах*, и должен быть вынесен в отдельный пункт (не говоря о том, что здесь существительное стоит в ед., а не во мн. числе, о чем см. ниже). Во-вторых, запрет **при всей информации* <грязи> принципиально менее жесткий, ср. пример из Интернета. ***При всей информации***, имеющейся под рукой, с людьми в играх невероятно сложно торговаться. Сочетание *при всей грязи* (где слово *грязь* фигурирует в переносном значении) вообще употребляется совершенно свободно, ср. *Венечка Ерофеев, при всей грязи, в изобилии представленной на этих страницах, предстаёт мучеником, подвижником, юродивым; при всей грязи, вылитой на неё, ни один человек не написал, что она плохо учит!*, и т.п.

Что касается формы числа местоимения *весь* (почему-то в обозначении этой конструкции не отражена ее возможная вариативность), то здесь следует иметь в виду, что форма мн. числа местоимения *весь* имеет, наряду с кванторным, также (отмечавшееся в литературе) «градационное», или «холистическое» значение ‘в полной мере’, ср. *У тебя все руки грязные* (= ‘вся поверхность твоих рук’, а не ‘обе руки. ’). В обсуждаемой конструкции местоимение *весь* всегда употребляется в этом «холистическом» значении; выбор числа при этом зависит от семантико-синтаксических свойств существительного (ср. *при всем его обаянии* vs. *при всех его достоинствах*); соответственно, в тех контекстах, где уместно лишь кванторное значение (т.е. со счетными предметными именами), употребление мн. числа недопустимо — что согласуется с требованием градуируемости. Поэтому можно сказать *при всех его успехах у женщин* (имеется в виду не полный список его успехов, а полнота признака ‘иметь успех’), но нельзя **при всех его любовницах*.

С. 137 Конструкция, которая в названии раздела и во всем остальном тексте обозначена «*при всё X-е P*», в толковании, приводимом на с. 137 обозначена «*при всё X-е Y — P*», на с. 148 «*при всё X-е Y P*» Переменная *Y*, действительно, не только фигурирует в толковании, но и является связующим элементом левого и правого контекста данного коннектора. (за редкими исключениями) этот *Y* является одновременно носителем свойства *X* и субъектом свойства/действия *P*, что отмечается в тексте. Тем самым обозначение «*при всё X-е Y P*» очевидно, предпочтительно.

С. 148 Относительно примеров типа (90) *При всем своем уме, она еще и красавица* можно сделать следующее замечание. Как представляется, здесь принципиальное значение имеет дополнительный элемент *еще и*, который смягчает (или даже вовсе отменяет) компонент противоречия ожиданиям, т.е. деидиоматизирует конструкцию *при всем X-е P*, сводя ее значение к свободному сочетанию с присоединительным значением: (90) = ‘она умная, и к тому же еще и

красивая’ Без этого *еще и* фразы *??При всем своем уме, она красавица; ??При всей своей глупости, она уродина* находятся на грани нормы. Поэтому правомерность выделения двух классов, основанных на «диссимилиативных ожиданиях» представляется сомнительной. Примеры оптимистической интерпретации «диссимлятивного ожидания» из НКРЯ, приведенные на с. 150, свидетельствуют о том, что в XIX в. процесс грамматикализации обсуждаемой конструкции еще не завершился; показательно, что примеров пессимистической интерпретации «диссимилиативного ожидания» в НКРЯ вообще не обнаружилось.

С. 160-161 Приводится пример *При всей влюблённости у меня срабатывали и совершенно прозаические соображения. Я думал, овладеть такой хорошенькой девушкой и предоставить её самой себе на два года — опасно* (Фазиль Искандер. Случай в горах (1980–1990)). Утверждение автора, что *влюбленность* здесь оценивается отрицательно, *прозаические соображения* — положительно, представляется необоснованным.

С. 179· говорить о «крайней степени солипсизма» в связи с семантикой конструкции *Как ни тяжело Y-у сознавать <признавать, смириться с> P* представляется преувеличением. Она не больше, чем в конструкции *Как ни тяжело Y-у P* Человек контактирует с миром посредством ментальных репрезентаций, поэтому в *тяжело* и *тяжело признать* может идти речь об одном и том же.

С. 179· *тяжелое признание* вполне допустимое сочетание, встречается в НКРЯ.

С. 222-223 Непонятно, каким образом уступительное значение единицы *по крайней мере* (‘кто-то считает, что P не имеет места, говорящий не знает, имеет ли место P; говорящий знает, что имеет место Q; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа Q, то имеет место ситуация типа P; поэтому говорящий думает, что должна иметь место P; говорящий утверждает, что имеет место Q’) может быть получено из прототипа уступительности, приведенного на с. 80 (‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’). Такое впечатление, что здесь реализуется другой прототип уступительности, что-то вроде ‘говорящий готов согласиться на меньшее (сделать более слабое утверждение)’, близкий к «уступке» в буквальном значении. Сноска 103 на с. 223, где говорится, что *по крайней мере* содержит «уступительность наоборот» (в толковании уступительных единиц есть компонент вида ‘обычно, если P, то не-Q’, тогда как у *по крайней мере* *З* — ‘обычно, если P, то Q’) никак не проясняет дела (поскольку трудно предположить, что имеется в виду механизм энантиосемии). Столь же не очевидна связь с прототипом уступительности для выражений *добро бы, ладно бы, только бы, хоть бы* и др. единиц из главы 5 раздела I.

С. 300 «В данной статье описывается вокабула *лишь бы*, представленная союзом и частицей.» способ выражения представляется неудачным: можно подумать, что речь идет о двух элементах, из которых состоит данная единица, союзе и частице. То же в других словарных статьях.

С. 331 Анна Вежбицкая является убежденным противником теории «базовых эмоций» и «универсальных выражений лица» (facial expression) Пола Экмана. (Изложение этого вопроса в диссертации оставляет впечатление, что концепция Вежбицкой находится в том же русле, между тем ее идея *emotional universals* основана на совершенно иных принципах).

С. 352. Название кластера 'грусть', как и его прототипический сценарий 'произошло что-то плохое; человек X чувствует что-то плохое из-за этого' для русских слов *грусть* и *печаль* подходит плохо (в значительной части употреблений оба компонента сформулированного выше прототипа отсутствуют). Грусть чаще бывает беспричинной; А.Д.Шмелев (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012) предлагает толковать грусть как настроение, когда человек не может веселиться.

С. 359 Сноска 168 о распространении в современной англо-саксонской культуре понятия «responsibility-shifting» переноса ответственности за действия и поступки с агенса на окружающих лиц или неблагоприятные обстоятельства, сама по себе очень интересная, производит впечатление никак не связанной с мыслью о разном «лексическом покрытии», в разных языках, одного и того же концептуального поля, которую она призвана пояснять.

С. 375ff. англ. слово *frustration* безусловно лингвоспецифичное и не имеющее никакого удовлетворительного аналога в русском языке. Хотя автор как будто отрицает существование таких слов, в переводах английских примеров это слово единственное остается в оригинальной форме («frustration»). Это решение (возможно, наиболее правильное) следовало бы тем не менее прокомментировать, особенно в свете проблемы лингвоспецифичности, затрагиваемой в работе.

С. 380· правильно *кровная обида* (исторически обида, «смываемая кровью», ср. *кровная месть*); *кровавая обида* производное словоупотребление, тоже встречающееся, но существенно реже.

С. 381 для всех приведенных англ. примеров перевод *оскорблен* представляется более адекватным, чем *обижен*

С. 384-385 неясно, что значит «'обидчивый' (склонный к обиде-«агрессии»)» – о значении англ. слов *grouchy*, *huffy*.

С. 387 утверждение, что слово *offended* покрывает более «слабые» части спектра кластера 'обида' представляется неточным: *offended* описывает чувство оскорбленности, оно может быть не менее сильным, чем чувство обиды, но оно содержательно несколько иное.

С. 449 непонятно, как «прямота и искренность в коммуникации», о которых говорит Вежбицкая, соответствуют максиме скромности (важность которой подтвердило данное исследование).

С. 467 ff. Непонятно, каким образом при статистических подсчетах учитывались обозначения эмоций, относящиеся сразу к нескольким кластерам (как, напр. англ. *horror*).

С.526 пример (5б) аномален не потому что описывает ситуацию, где пространства когнитивно не объединены, а потому что данные два события разъединены во времени (поэтому уместно слово *вскоре* и неуместно *и тут*).

С.529· предложения (13б) и (15) могут использоваться при рассказе о событии, вводимом в рассмотрение впервые.

С. 530· пример (16в) **Тут она и кричит ему «Стреляй!»* (и вообще употребление *тут и* в контексте наст исторического) представляется вполне допустимым, ср. (из Интернета) *и вот сидим мы обедаем, тут она и говорит, а что, девка хорошая, крепкая, спортивная, нам такая подойдет, Тут она и говорит. «Спасибо, не надо, извините за беспокойство».*

С. 577 пример (22) *За весь этот год он ни разу не обрадовал ее приходом* может быть понят с отрицанием компонента результата (эмоции); однозначно акциональное прочтение будет лишь у глагола *порадовать*.

С. 578 для примера (26) *Иван не согрешил, изменив жене* понимание 'не изменял' крайне маловероятно, ср. также с. 598, то же для примера (125) на с. 594.

С. 583 глагол *гневить* также является устаревшим, и примерно в 90% употреблений в составе фразеологизма *гневить Бога*

С.602. в Таблицу 2 следовало бы вставить примеры глаголов всех рассматриваемых типов.

Высказанные замечания носят, как уже было сказано, либо технический, либо дискуссионный характер и ни в коей мере не умаляют высоких достоинств исследования.

Диссертация В.Ю. Апресян является самостоятельной завершённой работой, имеющей большую теоретическую и практическую значимость. Опубликованные работы и автореферат в полной мере отражают содержание исследования. Оно отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор Валентина Юрьевна Апресян без всякого сомнения заслуживает присуждения ей степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 «Теория языка».

Главный научный сотрудник
отдела типологии и ареальной лингвистики
Института языкознания РАН, д.ф.н.

Анна А. Зализняк

